

Серия «Православие в жизни»

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО

Издательство
Московской Патриархии
Москва • 2009

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА*

Н 45 **Неизлечимая болезнь: конец или начало.** Сборник. М.: — Издательство Московской Патриархии, 2009. — 160 с. — (Православие в жизни).

Нет такого человека, который бы в своей жизни не болел. Но заболевания бывают разные. Наша книга адресована людям, которых поразил неизлечимый недуг. В таком состоянии не каждый человек знает, как относиться к болезни, как жить в этом ужасе обреченности и боли, где искать утешения и помощи. Надеемся, что рассказ нашей Александры станет для читателей ярким свидетельством победы с помощью Божией духа над больной плотью и примером того, каким образом можно обратить болезнь в средство для спасения души и благоугождения Богу.

Кроме того, приводимое в книге святоотеческое наставление, приоткрывая тайну жизни и смерти человека, станет утешением не только для воцерковленных читателей, но и для тех, кто делает первые шаги к Православию.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Протоиерей Артемий Владимиров

Всякий согласится, что нет ничего более интересного и одновременно поучительного, чем человеческая судьба...

Дорогие друзья, то, что предложит вашему взору, прочитывается на одном дыхании. Почему? Потому что за этими строками стоит опыт, вбирающий в себя все: земные радости, грехи, страх смерти, разочарование, боль, страдания, мрак отчаяния, озарение верой, поразительное мужество, доверие и благодарение Создателя за Его Промысл.

Перед вами искреннее признание простой русской души, надежденной от Бога даром слова...

Слово рабы Божией Александры исходит из сокровенной глубины сердца, научившегося переносить страдания, которых так боится современный человек. Ее слово растворено теплотой любви к Воскресшему Спасителю, Победителю смерти...

Говорят, дурной пример заразителен... Насколько же большей силой обладает добрый, благой пример!

Познакомимся же с ним, чтобы, соразмерив свой малый крест с испытаниями, выпавшими на долю Александры, вместе с нею освящать нашу жизнь вдохновенной молитвой:

«Слава Тебе, Господи, за то, что было!

Слава Тебе за то, что есть!

Слава Тебе, Господи, за то, что будет!»

Аминь.

Александра Сужд

ПЕРЕД ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Мне хотелось бы посвятить свой рассказ и выразить благодарность, любовь и уважение отцу Артемию, отцу Георгию, отцу Михаилу, отцу Михаилу, диакону Александру, которые помогли мне открыть чудесный мир веры, а также Антону Фурсову и его мамочке Ольге, Александру Ершеву, Ольге Телкиной, Александру Федотову, Танечке из Тулы и многим-многим другим людям, которые терпеливо несут свой крест и перед чьим мужеством я преклоняюсь.

Автор

Моя жизнь раньше проходила в какой-то постоянной суете. Людям вообще свойственно всегда куда-то торопиться, боясь опоздать на работу, учебу, чей-то день рождения, в клуб на дискотеку, в магазин. Они живут для того, чтобы зарабатывать деньги, а деньги нужны для того, чтобы их прожить. Только почему-то чем больше человек зарабатывает, тем больше ему не хватает. Это замкнутый круг, по которому люди бегут всю жизнь, и я не была исключением.

У Талькова, в одной из его песен¹, есть очень красивые строки:

---

¹ «Бывший подьесаул уходил воевать» — прим. ред.

«Всевышнего глаз видит каждый наш шаг на тернистой дороге. Наступает момент, когда каждый из нас у последней черты вспоминает о Боге».

И действительно, куда бы человек ни торопился, чем бы ни был занят, столкнувшись со смертью, он всегда, хоть на минуту, остановится. Но ненадолго. К сожалению, мы с нашим советским наследием мало задумываемся о Боге и как будто забыли, что есть смерть. Мы не хотим знать этих слов, боимся их и живем так, будто там, за последней чертой, ничего нет. Такой взгляд на смерть, наверное, — просто оправдание вседозволенности современной жизни. Думаю, у каждого человека в глубине сознания возникал вопрос: «А вдруг там и правда что-то есть?» Спокойнее жить, задвигая такие мысли куда-нибудь в дальний уголок: «Я потом подумаю об этом, время есть». Ведь если задумываться, то, может, придется что-то менять в себе и жить так, чтобы в любой день быть готовым держать ответ за свои поступки, слова и даже мысли. Много ли среди нас таких?

Проще воспринимать смерть всего лишь как непоправимое несчастье, испытывая внутреннее облегчение от того, что это произошло

не с тобой и не с кем-то из твоих близких, и верить в то, что кому-то просто не повезло. Жить так, будто человек бессмертен, и все зависит лишь от удачи, не боясь ни Бога, ни дьявола, одушевляя похороны, одевая покойника в костюм получше и укладывая его в гроб подороже. Ну какая, спрашивается, ему разница? А обычай ставить на поминках стопку водки перед фотографией? По-моему, только в воспаленном мозгу алкоголика может возникнуть картина распития ее покойным.

Все это — наследие нескольких поколений, выросших без Бога.

У наших предков, которых с детства воспитывали с Богом, не было такого удручающего отношения к смерти. Им с детства прививалось понимание, что человек здесь явление временное. Меня поразила надпись, высеченная на одном из памятников Кунцевского кладбища — «*Ты дома, а мы в гостях*». Хотя меня раньше пугало все, что было связано со смертью, эта фраза не показалась мне страшной, скорее от нее веяло покоем. Наши предки, если боялись, то не самой смерти, а именно перехода и ответа за свои поступки. Вдумайтесь в сами слова — преставился, усопший. Не умереть, а именно перейти, уснуть,

проснувшись для новой жизни. Слова многих молитв говорят нам об этом и даже указывают путь. Но много ли мы знаем молитв? Да и сами слова, написанные на церковнославянском, стали для нас словами иностранного языка. Раньше этот язык усваивали с раннего детства. Ребенок учился разговаривать и одновременно, вместе со взрослыми, начал ходить в храм, принимая участие в церковной жизни. Не выучить язык богослужения было просто невозможно.

Церковнославянский язык, так же, как, например, латынь или древнееврейский, относится к группе мертвых языков. Раньше меня несколько отталкивало такое название, пока я не поняла что это не связано со смертью. Скорее оно отображает чистоту жизни, не замусоренную изменениями, которые рано или поздно претерпевают все языки в повседневном общении. Мертвые языки — для души, они очищены от повседневной суеты.

Однажды мне попала статья в православном журнале, и в ней слово: лазоревый. Это значит — синий, но, кроме конкретного определения, такое понятие затрагивает в душе человека отголоски целой палитры цветовых оттенков. Я потом у многих людей специально

интересовалась, с каким цветом оно у них может ассоциироваться? Называли разные цвета — все оттенки розового, голубого, фиолетового и даже золотого. Кто-нибудь может мне указать в современном русском что-то похожее — такие красочные, переливающиеся и просто звенящие чистотой слова.

Скорее можно встретить нечто другое. Например, то, с чем я столкнулась однажды утром в метро. Мне тогда приходилось рано вставать на работу и по дороге, в метро, невыспавшаяся, я пыталась немножко подремать. Соседа напротив не было видно из-за развернутой газеты, в чтение которой он углубился. На шелест очередной переворачиваемой страницы я чуть приоткрыла глаза и от того, что увидела, раскрыла не только их, но, по-моему, и рот. Через весь газетный лист над какой-то статьей крупным шрифтом было написано: «Ушли от Х и пришли к Ж». Сон как рукой смахнуло. По выходе из метро я не поленилась и купила газету со столь потрясшим меня заголовком. Все оказалось несколько приличней: в статье говорилось про Хасбулатова и Жириновского. Не помню, о чем была сама статья, — что-то типичное для тех, перестроечных, времен — но заголовок запомнился, хотя было это

примерно в девяносто пятом. Сегодня в наших газетах можно встретить что-нибудь и похлеще: по-моему, мы пришли не к «Ж» и не к «Х», а к чему-то более страшному. Что же мы с собой сделали, что потеряли, что же, в конце концов, у нас просто украли?

В течение семидесяти лет несколько поколений с детства заставляли поклоняться идолу, детоубийце, чье тело все еще находится в центре столицы. И что мы получили? Подмену человеческих ценностей. Гордость заменила собой жалость и милосердие. Кто придумал, что жалеть — значит унижать? Люди разучились выражать свои чувства, стали бояться быть непонятыми, смешными, нудными. Мы чувствуем себя по большей части никому не нужными. Доброта стала считаться слабостью, люди стесняются ее выражать. Словом любовь стали обозначать физическое действие. Куда уж дальше? Бедные люди, отвернувшиеся от Бога, куда мы пришли? Я не отличаюсь большим знанием, предполагающим толкование Священного Писания, но, наверное, про такие времена говорится в Новом Завете: *И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24, 12).

Что же в такой жизни делать людям, которым, как мне, в один момент пришлось очутиться на пороге двери, распахнувшейся в нечто страшное и тяжелое — в болезнь?

* * *

Когда-то я жила как большинство — работа, карьера, семья, дети — и все бегом. Казалось, что-то важное еще впереди. Как же я ошибалась! В один далеко не прекрасный день я услышала удар колокола. Было вчера, сегодня, но больше не было завтра.

Время остановилось, когда мне прочитали диагноз, даже не прочитали, а просто сунули под нос листок бумаги, добавив, что за «стеклами» (это, как выяснилось потом, — результат биопсии) надо идти в патолого-анатомическое отделение, в морг. Добрые люди, люди добрые! Какие «стекла», какое патолого-анатомическое? Ну зачем же так?

До того мне только один раз доводилось сталкиваться с чем-то подобным. Жена моего дяди, Танечка, болела лейкемией. Хотя ей часто делали химиотерапию, с виду она была совсем здоровой и никогда не жаловалась. Я, к моему стыду, за все пять лет ее болезни из-за трусости никогда не говорила с ней на

эту тему. В Москве я бывала наездами, виделась с ней мало. Она ничего не рассказывала о своей беде, наверное, не желая портить мне радость от приезда домой, и я не спрашивала, замечая очередной курс ее химиотерапии лишь по тому, был ли на ней парик или нет. Бедная Танечка, прости мне мою трусость, переходящую в черствость. По молодости я вообще шарахалась ото всего, что было связано со смертью, даже на похороны дедушки и бабушки родители, жалея меня, маленькую, не взяли. Так что Танечкины были первыми в моей жизни. Помню их смутно, так как от страха и волнения все время боялась, что упаду в обморок. Я такая же скуластая и темноглазая, какой была она, поэтому на похоронах постоянно спрашивали, не сестры ли мы? Это еще больше меня подкашивало. Еще мне запомнилось удивление: она совсем не была похожа на человека, умершего от тяжелой болезни.

За свое малодушие я и поплатилась. Мои представления о том, что происходит, когда случается такое несчастье, были в основном сформированы по фильмам: врачи и родственники скрывают диагноз от больного, убеждая его что это *так*, какой-нибудь гастрит, или,

наоборот, узнав о своем диагнозе, человек сам скрывает его от близких, красиво страдая. Или какая-нибудь потрясающая любовь, которая помогает уходить, — благодарно держась за чью-то руку. Вариантов было много, но все трогательно красивые и мужественные.

Моя действительность оказалась совсем другой — страшной. Не было рядом близкого человека, и я не помню лица врача, которая, скорее всего, отводила глаза. Я стояла растерянная, всматриваясь в строчки выписки, чувствуя, как от сдерживаемых слез стекленеют глаза и мир вокруг становится серого цвета. В голове не было ни одной мысли и только кружились обрывки фраз: рак, патолого-анатомическое отделение... Только вчера у меня была работа, были муж, может, и не самый лучший, но мой, любимый, чудесный сын, а тут какое-то легкое недомогание, на которое я старалась не обращать внимания... Пришел страх и ощущение непоправимого. Я никогда не понимала, как люди живут, зная, что у них рак, ведь это — каждый день видеть перед глазами, как сказал один мой знакомый, перевернутые песочные часы.

Люди, как правило, всегда находят решение своих проблем, избавление от страхов

или, по крайней мере, у них есть надежда на это: если боишься высоты — не лезь в горы, не любишь темноты — спи при свете, нужны деньги — работай, много денег — открывай свое дело. Даже сидя в тюрьме, человек знает, что рано или поздно он выйдет и что можно надеяться на амнистию. В конце концов, те, кому лень что-то менять, просто решают свои проблемы, наплевав на все и выпивая каждый день. Вечером выпил — никаких проблем, а утром так болит голова, что одна проблема — чем бы опохмелиться. До болезни я считала, что безвыходных ситуаций не бывает, выход есть всегда. Другое дело, что эти решения не всегда нас устраивают, но в целом от проблем, как правило, так или иначе избавляются, они не длятся вечно...

Но тут я столкнулась с чем-то, что было выше и страшнее всего этого. От этого некуда спрятаться и не убежать. Даже если бы я напилась в стельку, чтобы ничего не замечать, то все равно когда-нибудь пришлось бы протрезветь. Не было никакой надежды.

Когда меня положили в больницу, то оказалось, что операцию делать уже поздно. Круг, по которому я бежала столько времени, разомкнулся. На мир вокруг меня упало что-то

темное. Все слова стали плоскими и тусклыми, да и что можно было сказать? Что как-нибудь обойдется? Если бы я вышла на улицу, крича и моля о помощи, то допуская, что вместо онкологического диспансера меня не забрали бы в психиатрический, и мне удалось бы собрать огромную толпу людей, где каждый второй был бы врачом, даже в этом случае, что они смогли бы мне предложить и сказать в утешение? Осознание этой неотвратимости убивало меня.

* * *

Я не буду подробно описывать лечение — только общие или просто запомнившиеся моменты. В онкологии, при одинаковой степени заболевания и одинаковом лечении, один человек встает на ноги, а другой — нет. И это зависит не от крепости организма или возраста. Поэтому я постараюсь не давать повода для сравнений. Как бы ни были похожи случаи, у каждого в этой болезни свой путь, предназначенный только для него одного. Врачи не опровергают этого и природу таких выздоровлений (или наоборот) чаще объясняют силой воли и жаждой жизни самого человека.

В моем случае единственным, на что тогда решились врачи, было облучение по максимальной программе. Маленький Чернобыль. С той разницей, что в Чернобыле под облучение попадал весь организм, а меня старались облучать прицельно: только пораженный орган. Сделали замеры и отдали их специальным инженерам, которые, проведя расчеты, сообщили размеры и глубину зоны облучения. Эти расчеты наносили на тело черными, красными или синими маркерами, и мы все ходили раскрашенные. Особенно приковывало глаз, если у кого-то расчерченная зона находилась в области, не скрытой под одеждой. Старались не смотреть, но глаз невольно зацеплялся за черно-синие линии и звездочки.

Лечение было разделено на два курса. Первый — наружное облучение.

Сама комната, где проходили процедуры, вызвала у меня ассоциации с бункером или кабиной космического корабля. Такое сходство ей придавали толстые стальные двери, разъезжающиеся в разные стороны, и соседняя комната — с врачами, сидящими, как в центре управления полетами, перед множеством приборов, датчиков, передающих какие-то данные, и мониторов, показывающих

кушетку, на которую лежишься под облучение. Сам сеанс был очень коротким, несколько минут на животе и столько же на спине, с подставленным под какой-то аппарат разрисованным участком тела. Чтобы отвлечь себя и не бояться (хотя все было абсолютно безболезненно, сердце все равно каждый раз испуганно колотилось), я пыталась переключить внимание, например, представляя, как я выгляжу на экране монитора. Тут же в голову лезли кадры из кинохроники полета Гагарина. Хотя у него были другие цели и на экране была видна в основном его голова в скафандре, а меня показывали в полный рост, да еще с закатанной одеждой, мне все время хотелось сказать его слова: «Поехали!», — и помахать рукой. При этом мне становилось смешно. Я знала, что смеяться неудобно, но хихиканье начинало разбирать меня еще больше. Не знаю, было ли все это заметно врачам, но если да, то вид, наверное, у меня был преглупейший.

Первый раз я провела в больнице больше месяца. Люди по-разному переносили болезнь, кто-то делал вид, будто ничего страшного не случилось, другие, как я, замкнулись. Но как бы глубоко внутрь не прятали в себя

страх, по жадному вниманию, с каким записывали рецепты или слушали истории о случаях выздоровления, можно было понять, как все страдают и жаждут исцеления. Я была чуть ли не единственной, кто не прислушивался к таким разговорам, считая, что если бы и нашлась панацея от рака, то, наверное, это стало бы открытием мирового масштаба, отмеченным Нобелевской премией и всеобщим признанием, а не записывалось бы от руки в палатах. Единственное, что мне почему-то запомнилось из подобных бесед, — это рассказ соседки по палате, Наташи, про Матронушку.

* * *

В прессе и по телевидению постоянно мелькают материалы о целителях, белых магах, черных магах, летающих тарелках, хиллерах — так называемых хирургах без скальпелей — и много другой бестолковщины. Привороты, отвороты, удача в бизнесе — послушать все это, так весь мир за один сеанс можно сделать счастливым. О настоящих чудесах и замечательных, святых людях, наших современниках, соотечественниках практически нет никаких публикаций, а если

и написано, то скорее это — церковная литература или что-то услышанное случайно. Вот, например, Матронушка — это почти наша с вами современница, но много ли мы встречаем упоминаний о ней? Зато в одной центральной газете не проходит месяца, чтобы не было статьи о сомнительных чудесах болгарской Ванги.

Матронушка родилась в начале девятнадцатого века в селе Себене Тульской губернии. Еще до родов ее матери приснилась белая птица с плотно смеженными веками. Сон оказался вещим — Матронушка родилась слепой. При крещении, когда ее опустили в купель, присутствующие почувствовали благоухание, даже священник был удивлен. Ее дом находился рядом с храмом Успения Божией Матери, в котором Матронушка буквально выросла: сначала ходила туда с родителями, а потом одна. Даром духовной прозорливости, чудотворения и исцеления она была отмечена с детства. Близкие заметили, что ей ведомы не только человеческие грехи, но и мысли, она чувствовала приближение опасности. К ее избе потянулись люди: приезжали даже издалека. После революции, не желая подводить своих братьев-коммунистов, она ушла из дома

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Протоиерей Артемий Владимиров. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ</i>	3
<i>А. А. Сужуд. ПЕРЕД ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ</i>	5
<i>Протоиерей Валериан Кречетов. В СВЕТЕ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ</i>	65
<i>Святитель Феофан Затворник. УТЕШИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА</i>	89
<i>Приложение. СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ</i>	157

Серия «Православие в жизни»
Религиозно-просветительское издание

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ: КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО

Святитель Феофан Затворник, Протоиерей Артемий Владимиров,
Протоиерей Валериан Кречетов, Александра Анатольевна Сужуд

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *А. Боровик*
Художник *Е. Морозова*. Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Е. Пятаева*. Верстка *И. Покидова*

Подписано в печать 14.04.2009. Формат 70x100 1/32. Объем 5,0 п. л. Печать офс.
Тираж 10 000 экз. Заказ № . Издательство Московской Патриархии.
119435, Москва, Погодинская ул., 20/2

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru